

Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и её подследственные

В историографии деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, созданной в первые дни Февральской революции, 5 марта 1917 г.,¹ уделялось немного внимания. Первым её историком стал С. П. Мельгунов. Несколько хаотично, но убедительно он показал непоследовательность действий комиссии (попытки инкриминировать царским сановникам поступки, не выходявшие за пределы тогдашнего законодательства).² Конечно, комиссия и сама осознавала всю сложность проблемы: осудить главных действующих лиц старого строя, используя старое же законодательство, было весьма сложно (что, в конечном итоге, и предопределило весьма скромный результат её деятельности). Из советских историков специальной работой на эту тему отметился лишь А. Я. Аврех,³ который усмотрел главную причину неудачи ЧСК в том, что комиссия так и не стала «подлинно революционным судом», т. е. судить подследственных, по его мнению, следовало не по нормам старого режима, а «революционной законности».⁴ Наконец, в 2006 г. появилось специальное исследование по истории ЧСК. Его автор Ю. В. Варфоломеев впервые поднял многие вопросы, в том числе и о тех, кто попал под её расследование (их арест, содержание под стражей и т. п.).⁵ Опираясь преимущественно на мемуарные свидетельства, он нарисовал картину того, как победившая революция была весьма строга к побеждённым. Автор, в целом, весьма критически относится к деятельности ЧСК.

Однако, как мне кажется, история ЧСК ещё не закрыта: есть ряд вопросов, более детальный взгляд на которые показывает как интересные штрихи в деятельности самой комиссии, так и позволяет сделать отдель-

¹ Замысел создания такой комиссии появился не позднее 3 марта 1917 г. (*Варфоломеев Ю. В. Закон и трепет: очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.* Саратов, 2006. С. 30).

² *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 95–161.

³ *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 72–101.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ *Варфоломеев Ю. В.* Указ. соч. Вопросам содержания подследственных и их поведению посвящена глава II (С. 76–128), особенно её параграфы 1 (Характер и условия содержания подследственных в Трубецком бастионе Петропавловской крепости: С. 76–101) и параграф 2 (Медицинское обслуживание заключённых: С. 101–108).

ные наблюдения над атмосферой революционной эпохи. Для этого есть источник, кроме самого фонда ЧСК, пока мало использованный исследователями, — архивный фонд прокурора Петроградской судебной палаты (ЦГИА СПб. Ф. 1695), в котором сохранилось значительное количество дел (несколько сотен), заведённых на тех, кто попал под расследование ЧСК. Эти материалы раскрывают обстоятельства задержания, пребывания в заключении и освобождения многих деятелей «старого режима», в связи с чем они дают весьма любопытную информацию.

Созданию ЧСК предшествовали аресты видных представителей «старого строя». Они начались уже 27 февраля. Как известно, первым был председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, 1 марта задержали К.Д. Кафафова (директора Департамента полиции в конце 1915 — начале 1916 г. сначала поместили в министерский павильон, а 3 марта — в Петропавловскую крепость).⁶ 2 марта арестовали его коллегу (занимал эту должность в 1912—1914 гг.) С.П. Белецкого и действующего и.д. вице-директора Департамента полиции П. Руткевича — вечером они тоже оказались в министерском павильоне.⁷

Конечно, в первые дни революции было сложно ожидать хорошо скоординированных действий, однако арест главных лиц «старого порядка» не выглядит для новой власти первоочередным делом. А.Б. Николаев приводит данные о том, что уже 27 февраля А.Ф. Керенский демонстрировал список тех, кого следовало немедленно задержать, с указанием их домашних адресов.⁸ Нет оснований сомневаться в достоверности этих свидетельств, но такой список, похоже, составлялся на скорую руку. В пользу такого предположения говорят обстоятельства арестов многих деятелей «старого режима»: они проводились хаотично, под стражу попали случайные люди. Например, обер-прокурор А.И. Руадзе, тут же выпущенный.⁹

Характерный по нелепости пример — арест 73-летнего С.К. Глинки-Янчевского (многолетнего редактора «Земщины») вместе с сыном (!). Их взяли 14 марта, причём после этого несколько дней выясняли, кто дал распоряжение. Оказалось, что бумаги было две: одна — от А.Ф. Керенского, другая — от Петроградского совета (обе — от 16 марта). Совпадение? Похоже, что нет, т.к. эти предписания выписали задним числом, уже после того, как людей арестовали. Вероятно, документы отразили выплеснувшееся наружу недоверие между двумя властями революци-

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 188.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

⁸ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 449.

⁹ *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 79.

онного города. Показательно, что Исполком Совета поспешил отречься от инициативы в этом деле, свалив всё на А.Ф. Керенского. При обыске ничего компрометирующего у С.К. Глинки-Янчевского не нашлось, а арестовали его, как выяснилось позже, по подозрению (!) в связи публициста с «Союзом русского народа». При всём желании, его никак нельзя было рассматривать столпом рухнувшего строя. Продержав его почти месяц в «Крестах», власть 16 апреля санкционировала медицинское освидетельствование арестованного (которое провёл, кстати, не «добрый» И.И. Манухин, а В. Туфаев). Картина оказалась удручающей: старческий маразм, сильное истощение, деформация грудной клетки, хронический катар дыхательных путей.¹⁰ Несмотря на такой букет диагнозов и, мягко говоря, не первую роль публициста в преступлениях самодержавия, издевательства над ним не прекратились.¹¹

Удивительно, что победившая революция не озаботилась установлением немедленного контроля над спецслужбами и их действующим руководством. В каком-то смысле новой власти повезло. К.И. Глобачёв, возглавлявший столичное Охранное отделение, с 25 февраля не принимал никаких реальных мер для противодействия революционному движению, ограничиваясь информированием вышестоящего начальства. 27 февраля генерал приказал подчинённым ему сотрудникам покинуть здание, небезосновательно опасаясь расправы над ними, что и было сделано к 17 часам. Сам же он незамеченным выбрался из Петрограда в Царское Село, затем беспрепятственно вернулся в столицу и 1 марта сам пришёл в Таврический дворец, где его и арестовал депутат Думы М.И. Пападжанов.¹² Нетрудно предположить, сколько проблем мог бы создать полицейский генерал, поставь он своей задачей организацию сопротивления новой власти.

Другого жандармского генерала — А.В. Герасимова (пусть и находившегося в отставке — он покинул столичное охранное отделение ещё в марте 1914 г.) — арестовали лишь 17 марта и заключили в министерский павильон, а 23 марта отправили в Выборгскую одиночную тюрьму. Несмотря на то, что 27 марта его взял на поруки вроде бы авторитетный

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 98. Л. 1, 27.

¹¹ В Финляндии, куда С.К. Глинку-Янчевского выслали в конце августа 1917 г. вместе с другими «опасными контрреволюционерами» вроде А.А. Вырубовой или П.А. Бадмаева, он выглядел жалко. По свидетельству А.А. Вырубовой, все к нему относились с презрением, «так как у него совсем не было денег». «Бедный старичок всё время спал на голых досках, покрываясь старым пальто. Когда всем давали лампы, его обносили». Экс-фрейлина из сострадания давала ему молоко и чай. «Мы часто шутили, говоря, что если нас освободят, то его, наверное, забудут в крепости» (Фрейлина её величества. «Дневник» и воспоминания А.А. Вырубовой. М., 1991. С. 240–241).

¹² Протокол допроса К.И. Глобачёва 4 апреля 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

для революционеров В.Л. Бурцев и 31 марта А.В. Герасимова выпустили с санкции прокурора Петроградской судебной палаты П.Н. Перевезева, 4 апреля генерала вновь арестовали по личному распоряжению А.Ф. Керенского — настолько опасным для новой власти он казался.¹³ Характерна в связи со вторичным арестом А.В. Герасимова проговорка С.В. Завадского: «...если уж выпускать арестованных, то не с жандармов надобно начинать».¹⁴ Профессиональный юрист косвенно признал, что аресты представителей старого строя не только проводились хаотически, но и то, что со многими арестованными новая власть не вполне понимала, что делать. Впоследствии прозвучали аргументы, что аресты «бывших» в момент падения самодержавного строя многим из них спасли жизнь, и уж, по крайней мере, избавили их от расправы толпы. В этом аргументе есть много справедливого, но, тем не менее, он объясняет далеко не всё.

Почти анекдотичной выглядит история ареста генерала А.И. Спиридовича, возглавлявшего в 1906—1916 гг. дворцовую охранную агентуру. К моменту революции он занимал должность ялтинского градоначальника и в конце февраля 1917 г. оказался в Петрограде. 2 марта А.И. Спиридович спокойно пришёл в Таврический дворец, где встречался с П.Н. Милюковым, В.А. Маклаковым, М.В. Родзянко, членами Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы. В Департаменте общих дел МВД он получил от находившихся там депутатов Думы И.И. Капниста и И.Н. Ефремова «охранную грамоту» — что он не подлежит задержанию. Несмотря на это, уже вечером 2 марта около 19 часов к А.И. Спиридовичу на квартиру явился «некий подполковник»¹⁵ в сопровождении двух солдат и от имени депутата Н.В. Некрасова «пригласил» немедленно отправиться в Думу. В Таврическом дворце с «гостем» уже никто не церемонился, оттуда он напрямик попал в Петропавловскую крепость.¹⁶ Попытка генерала жаловаться М.В. Родзянко никаких последствий не имела.

Обстоятельства арестов ряда деятелей «старого режима», особенно история с А.И. Спиридовичем, позволяют предположить, что среди лидеров Таврического дворца в те дни существовала какая-то неофициальная группа, руководившая задержаниями. Из имеющихся фактов её цели не вполне ясны, понятно только то, что эти люди действовали по собственным представлениям, ни с кем не согласовывали свои решения

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 95. Л. 11; Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее. Т. 17. М.:СПб., 1994. С. 550.

¹⁴ *Завадский С.В.* На великом изломе // Архив русской революции. Т. 11. М., 1991. С. 56.

¹⁵ По сведениям А.Б. Николаева, это был подполковник Антипин (*Николаев А.Б.* Указ. соч. С. 455).

¹⁶ Заявление А.И. Спиридовича М.В. Родзянко 4 марта 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 418. Л. 2 об.

и ни перед кем не отвечали. Нет сомнений, что их деятельность координировалась с А.Ф. Керенским. Трибун Февраля отдал в те дни большое количество распоряжений об арестах.

Несмотря на то, что центром арестов оказался, несомненно, Петроград, их волна затронула и другие города. Так, видного представителя «тёмных сил» князя М.М. Андроникова арестовали 3 марта в Москве, В.Н. Воейков был, по свидетельству Г.А. Иванишина, взят в Смоленске¹⁷. Но в провинции задержание главных действующих лиц «старого порядка» было организовано значительно хуже. Об этом, к примеру, свидетельствует история с арестом графа В.Б. Фредерикса. После отречения Николая II он направился в Севастополь, его задержали 7 марта в Гомеле лишь благодаря тому, что сопровождавший его адъютант П.Н. Петров по дороге посылал телеграммы за подписью графа. 8 марта А.И. Гучков распорядился немедленно доставить бывшего министра двора в Петербург (что отвечало как общим задачам будущей ЧСК, так и, вероятно, преследовало цель защитить престарелого сановника — дом его в столице уже был сожжён).¹⁸ А если бы не телеграммы — скорее всего, граф продолжил бы свой путь.

Мотивы арестов видных людей старого строя трудно объяснить чем-то одним. Разумеется, толпой часто руководила жажда мести и восстановления «справедливости». Но, похоже, что одной из причин их в первые дни революции являлась боязнь того, что эти люди в состоянии организовать сопротивление, что всё ещё может вернуться. Многие мемуаристы фиксировали сильный страх руководителей революции в первые дни, который продолжался, по крайней мере, до отречения Николая II (до 2–3 марта). Даже «революционные солдаты», которые явились в Таврический дворец, прихватив с собой гору оружия: «ящики пулемётных лент, ручных гранат, кажется, даже втащили и пушку», пришли «не как победители, а как люди, боявшиеся ответственности за совершённое нарушение дисциплины, за убийства командиров и офицеров». П.Н. Милюков вспоминал: «Когда где-то около дворца слышались выстрелы, часть солдат бросилась бежать, разбили окна в полциркулярном зале, стали выскакивать из окон в сад дворца».¹⁹

Созданная Временным правительством в первые дни Февраля Чрезвычайная следственная комиссия предназначалась для того, чтобы подготовить осуждение «старого строя».²⁰ Скорее всего, это решение было

¹⁷ Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее. Т. 17. М.:СПб., 1994. С. 542.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 369. Л. 1.

¹⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 253.

²⁰ 9 марта А.Ф. Керенский, по свидетельству полковника Г.А. Иванишина, лично объявил всем заключённым на тот момент в Петропавловской крепости, что их деятельность будет расследовать Чрезвычайная следственная комиссия. Заодно он на всякий случай добавил, что новая власть упразднила смертную казнь (Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее. Т. 17. М.:СПб., 1994. С. 540).

навеяно историческим примером Великой французской революции. Похоже, что идея А.Ф. Керенского заключалась в желании воспроизвести некоторые образцы конца XVIII в. То есть, создание ЧСК являлось актом борьбы за массовое, уже революционизированное сознание. Расследованием новая власть предполагала вернуться к представлениям о законности, сохранить их, чтобы не дать восторжествовать «праву сильного». Правда, юридическая природа такого осуждения выглядела проблематично. На деле суд над старым порядком мог явиться только процессом над его главными деятелями за нарушение ими законов того времени. А если бы они строго их соблюдали — то и преследовать не за что. Правда, уязвимым местом самодержавия выглядели пресловутые «тёмные силы». Но в первые дни революции об этом, вероятно, не задумывались, упоывая на то, что материал для осуждения найдётся. Председатель комиссии Н.К. Муравьёв, по свидетельству С.В. Завадского, «думал об истории», а не о торжестве правосудия. А.Ф. Керенский, кстати, надеялся на строгость Н.К. Муравьёва как председателя комиссии: «Докопается, не отстанет, пока не выскребет яйца до скорлупы. К тому же и фамилия для такой грозной комиссии самая подходящая <...> Трепетал же перед Муравьёвым-Виленским и перед министром юстиции Муравьёвым, пусть и наш Муравьёв нагонит им трепета».²¹

Пока комиссия формировалась, а расследование шло, задержанные сидели. Арестованные (с 1 марта их из министерского павильона Таврического дворца постепенно перевели либо в Петропавловскую крепость, либо в «Кресты»)²² Некоторым повезло: их быстро выпустили, как правило, благодаря единоличным распоряжениям А.Ф. Керенского. Так, 12–13 марта освободили И.Л. Горемыкина, бывшего министра народного просвещения Н.К. Кульчицкого, начальника Главного военно-судного управления генерал-лейтенанта А.С. Макаренко, старшего председателя Петроградской судебной палаты Н.С. Крашенинникова, кн[язя] Н.Д. Голицына и С.А. Куколь-Яснопольского, товарища министра внутренних дел.²³ Но это были единичные случаи, большинство продолжало находиться за решёткой.

За несколько месяцев содержания под охраной «революционных солдат» арестованные претерпели столько, что им вполне можно было

²¹ *Карабчевский Н.* Что глаза мои видели. Ч. II. Революция и Россия. Берлин, 1921. С. 123; *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 30. 5 марта А.Ф. Керенский рассказал о своём намерении С.В. Завадскому, пригласив его в состав комиссии (*Завадский С.В.* На великом изломе // Архив русской революции. Т. 11. М., 1991. С. 16–17).

²² Записные книжки полковника Г.А. Иванишина // Минувшее. Т. 17. М.:СПб., 1994. С. 539–540, 568.

²³ Там же. С. 542.

зачесть это за серьёзное наказание. А.А. Вырубцова, попавшая в крепость в конце марта, даже обмолвилась: «Жизнь наша [в крепости. — *И. Л.*] была медленной смертной казнью».²⁴ Хотя, разумеется, эмоциональные впечатления избалованной фрейлины императрицы нельзя понимать буквально.

Режим содержания под стражей определялся, с одной стороны, желанием новой власти показать, что с наследием прошлого покончено, с другой — желанием солдат отомстить. Официально арестованные подчинялись «старым правилам», но с большими изъятиями, сделанными по распоряжению А.Ф. Керенского. Так, в «новых условиях» арестованным разрешалось:

1. Находиться в собственной одежде.
2. Иметь собственное бельё и постель[ые] принадлежности.
3. Получать обед и ужин из офиц[ерского] собрания.
4. Иметь в камере тетрадь, чернила и перо для занятий.
5. Иметь свидания не через решётку, а в комнате, в присутствии товар[ища] прокурора и завед[ующего] арестантскими пом[ещениями].
6. Получать из дому в день свиданий:
  - а) сахар и чай, б) хлеб, сухари и печенье и в) масло и сыр».²⁵

Кроме чисто бытовых проблем, новая власть пыталась настоять на соблюдении гражданских прав арестованных. 19 марта в Петропавловскую крепость явился прокурор Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзев, который привёз новую инструкцию по содержанию арестованных. В ней сообщалось, что служебные обязанности заведующего арестантскими помещениями состоят «в кротком, терпеливом, вежливом обращении с арестованными».²⁶ Однако уже на следующий день, 20 марта, в режим содержания подследственных вмешались солдаты: стрелки запасного батальона 3-го гвардейского стрелкового полка явились в крепость, «вынесли из камер арестованных всё съедобное, их собственную лишнюю одежду, тюфяки и одеяла» и перевели их на одинаковое с солдатами довольствие.²⁷ Фактически с конца марта режим содержания арестантов новой власти определялся уже не ею, а солдатами.²⁸ 22 и 23 марта руководство крепости провело тщательное обследование арестантских помещений. Следствием его стало серьёзное ужесточение режима: у

²⁴ Фрейлина её величества. «Дневник» и воспоминания А.А. Вырубцовой. М., 1991. С. 215.

²⁵ Записные книжки полковника Г.А. Иванишина. С. 540–541.

²⁶ Там же. С. 543.

²⁷ Там же. С. 543–544.

²⁸ Это также подтверждается воспоминаниями А.А. Вырубцовой, правда, она была уверена, что караул из стрелков был лучше, чем от наблюдательной команды из солдат петроградского гарнизона (Фрейлина её величества. «Дневник» и воспоминания А.А. Вырубцовой. М., 1991. С. 216).

арестантов забрали деньги, «лишние» постельные и все письменные принадлежности, перевели на солдатский котёл, одели всех в арестантские халаты.²⁹ Вдобавок солдаты уже по своей инициативе подвергли сомнению право получать чай, сахар и табак, а к числу больных отнесли лишь «старика» А.И. Дубровина, остальных же, как вполне здоровых, лишили дополнительного питания.³⁰ С этими строгостями сразу столкнулась А.А. Вырубова, попавшая в крепость в конце марта и оставившая об этом периоде своей жизни довольно подробные воспоминания. Сразу по водворении её в камеру солдаты отобрали одну из находившихся там грязных подушек (излишество!), а затем грубо сорвали с А.А. Вырубовой все драгоценности и цепочку от креста. Затем её переодели в арестантскую рубашку, впрочем, платье оставили. Понятно, что экс-фрейлина жаловалась на питание (приносить еду из дома запрещалось), но вот ежедневные прогулки по 10 минут — это слишком. Также она от сырости и холода быстро подхватила бронхит.³¹ Показательно прозвучавшее в конце весны признание караула, приведённое А.А. Вырубовой: «Солдаты рассказывали, что вообще при царе было легче сидеть в крепости».³²

Справедливости ради надо сказать, что в самой власти не было единства в отношении к арестованным. Некоторые протестовали против необоснованных задержаний. Так, на одном из заседаний ЧСК, когда допрашивался К.Д. Кафафов, его измождённый вид и осторожное слово о нелёгком положении заключённых вызвало резкое заявление С.В. Завадского, что нельзя доле терпеть произвол караула. Н.К. Муравьёв не менее эмоционально возразил ему, но дело кончилось тем, что глава ЧСК назначил доктором в Петропавловскую крепость И.И. Манухина, который значительно облегчил участь заключённых.³³

Арестанты вели себя по-разному. Наиболее стойкими оказались генералы. Они, как правило, не скулили по поводу условий содержания, даже при серьёзных проблемах со здоровьем (за исключением «паркетного» В.Н. Воейкова и «придворного» А.И. Спиридовича). Пример — поведение К.Д. Кафафова.³⁴ С.Е. Виссарионов, согласно медицинскому заключению, к сентябрю сильно похудел, у него наблюдался упадок сил, головокружение и сильные головные боли, проблемы с пищеварением, ослабление памяти «до такой степени, что он не помнит только что прочитанного им, не помнит событий, как давно прошедших, так и не-

²⁹ Записные книжки полковника Г.А. Иванишина. С. 546.

³⁰ Там же. С. 549.

³¹ Фрейлина её величества. «Дневник» и воспоминания А.А. Вырубовой. М., 1991. С. 214–216.

³² Там же. С. 225.

³³ *Завадский С.В.* На великом изломе. С. 61–62.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 188.

давних, забывает фамилии близких лиц; самые обыкновенные явления действительности представляются ему в неправильном освещении».³⁵ Но при этом С.Е. Виссарионов не писал слёзных просьб о смягчении условий содержания.

Большинству других узников нескольких месяцев также оказалось достаточно, чтобы столкнуться со значительным обострением уже имевшихся болезней. Многие вдобавок нажили сильную неврастению, срывы, припадки, не говоря уже о таких «мелочах» как бессонница, апатия и т.п. Так, А.И. Спиридович жаловался в конце июля, что у него выраженное нервное расстройство, при посещении его камеры Н.К. Муравьёвым он расплакался, не в силах сдержаться, у него были частые истерики, от нервных спазмов даже пропал голос.³⁶ Вывод его был резонен: «Всё то, что я выношу со 2 марта, заставляет думать, что меня карают, карают уже и до суда, карают жестоко».³⁷ Неврастением страдал и В.Н. Воейков, легко впадая в рыдания при рассказе о своей горькой участи.³⁸

Тяжелее всех пришлось, по-видимому, А.Д. Протопопову. Он в течение многих лет страдал серьёзным расстройством психики. В Петропавловской крепости его проблемы резко обострились. Бывшему министру казалось, что «многие мысли его узнавали посредством особых зеркал; он не мог читать Евангелия, так как с попыткой читать совпадал какой-либо посторонний звук, вроде визга на улице или фабричного гудка. Ряд чернильных пятен на полу, клоп на стене — не простое случайное явление, но включает в себе какое-то таинственное значение или сделаны умышленно и согласно каким-то законам, и в них кроются полные значения таинственные указания нам, людям».³⁹ Болезненное воображение сопровождалось слуховыми иллюзиями, галлюцинациями, псевдогаллюцинациями. «Жужжание мухи, бряцание шашек конвойных, мелодия крепостных часов слышится ему в виде различных голосов, иногда такие голоса он слышит как бы внутри головы; эти голоса повторяют и подсказывают его мысли, иногда же голоса несутся из пространства».⁴⁰ В Петропавловке, когда А.Д. Протопопов писал показания, ему казалось, что его мысли повторялись влух в коридоре. Он решил, что в камере находится специальный аппарат для передачи мыслей на расстояние.⁴¹ И этого че-

³⁵ Медицинское заключение доктора И.И. Манухина о состоянии здоровья С.Е. Виссарионова 25 сентября 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 82. Л. 16.

³⁶ Заявление А.И. Спиридовича прокурору Петроградской судебной палаты 22 июля 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 418. Л. 51.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 418. Л. 53.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

³⁹ Там же. Ф. 225. Оп. 7. Д. 3. Л. 10–10 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 7. Д. 3. Л. 10–10 об.

⁴¹ Там же. Л. 15 об.

ловека, явно имевшего серьёзные психические нарушения, поместили в одиночную камеру Петропавловской крепости. Разумеется, это сильно усугубило его состояние.

Лишь 6 сентября ЧСК поручила провести медицинское обследование экс-министра. Эксперты нашли у пациента дегенеративную психику, душевное расстройство «в форме депрессивной фазы маниакально-депрессивного психоза, что является лишь повторным обострением давно существовавшего у Протопопова душевного недуга — циклотимии». Трёхнедельное пребывание в клинике значительно улучшило психическое состояние бывшего министра. Но суд, состоявшийся 30 октября, счёл, что А.Д. Протопопов был психически здоров и когда являлся министром, и на момент вынесения вердикта. Вряд ли на решение Фемиды повлиял большевистский переворот: скорее всего, оно означает, что ЧСК продолжала питать надежду на организацию процесса над «старым строем», где бы А.Д. Протопопову обязательно отыскалось место.

Но положение бывшего министра внутренних дел оказалось ещё не самым худшим. Б.В. Штюрмер не выдержал тюремного заключения. В июле 1917 г. его состояние было уже настолько плохим, что ЧСК с явным опозданием 21 июля разрешила перевести бывшего премьера в охраняемую лечебницу (т.е., настаивая на содержании под стражей). В сущности, он уже умирал: медицинское освидетельствование сановника, сделанное 29 июля, показало резко выраженный парез мочевого пузыря.⁴² 20 августа в 22 часа он скончался в клинике, так и не дожив ни до суда, ни до освобождения.

Такое упорство ЧСК может быть объяснено как до конца сохранявшимися надеждами на проведение процесса над самодержавием, так и боязнью натолкнуться на сопротивление Петросовета и «революционных солдат» при попытке выпустить даже часть арестованных из тюрьмы. Но к лету общественный интерес к ним как будто сильно угас, его заслонили другие события. Например, исчезла ненависть к заключённым у солдат в Петропавловской крепости. А.А. Вырубова отметила: «Положение моё стало улучшаться. Многие солдаты наблюдательной команды стали хорошо ко мне относиться, особенно старослужащие; они искренне жалели меня, защищали от грубых выходок своих товарищей».⁴³ Поварёнок даже подкладывал «бедной женщине» в порцию большие куски мяса. Однако «хорошее отношение» для многих караульных стало неплохим бизнесом. Разумеется, это стало возможно лишь при изменениях в общественном настроении. И раньше за деньги можно было добиться многого. Но став-

⁴² Там же. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 492. Л. 27.

⁴³ Фрейлина её величества. «Дневник» и воспоминания А.А. Вырубовой. М., 1991. С. 222.

ки упали: уже в конце весны караульный солдат сам предлагал за 5 рублей доставить письмо А.А. Вырубовой к родителям.⁴⁴ Были и примеры прямого вымогательства, исходившие от охраны. У матери А.А. Вырубовой один из караульных «заправил» «выманил» несколько тысяч рублей «под предлогом облегчения режима содержания» дочери. «Он звонил ей по телефону и назначал ей сумму и место свидания в каком-нибудь саду или сквере. Он перебрал у неё, таким образом, уже более десяти тысяч рублей, но для г-жи Вырубовой от этого не последовало ни малейшего облегчения. При этом г-жа Танеева умоляла «пока» никому не сообщать об этом, так как опасалась, что если «поднять историю» — её дочери будет ещё хуже».⁴⁵ Наверное, она была права: вряд ли эти люди предполагали облегчить участь экс-фрейлины. Похоже, что их сознание всё больше и больше двигалось в направлении принципа: «грабь награбленное».

По видимому, общая перемена настроения повлекла за собой и изменения в отношении ЧСК к своим «клиентам». Не случайно в конце лета — начале осени начался массовый перевод заключённых в медицинские клиники. Значительную роль в этом сыграл И.И. Манухин — доктор, назначенный освидетельствовать «подопечных» ЧСК.⁴⁶ Он появился в Петропавловской крепости 23 апреля 1917 г., относился к подследственным очень гуманно, в отличие от предшественников и караула, которые сразу разглядели в них «врагов народа». Однако «доброта» нового доктора находилась в определённых рамках. Приводя многочисленные диагнозы своих пациентов, он далеко не всегда заявлял о необходимости освободить их. Например, перечислив весьма серьёзные медицинские проблемы С.Е. Виссарионова, И.И. Манухин не обнаружил причин, которые требовали, например, перевода его в лечебницу.⁴⁷ Некоторые (например, В.Н. Воейков) в куда лучшем состоянии здоровья добились перевода поближе к врачам, наверное, потому что об этом настойчиво просили. Конечно, кроме диагноза, большое значение имел напор родственников, их постоянные обращения.

Другая важная причина изменившегося отношения к подследственным — это внутренний кризис в самой ЧСК, когда даже её сотрудикам

⁴⁴ Там же. С. 223.

⁴⁵ *Карабчевский Н.* Что глаза мои видели. Ч. II. Революция и Россия. Берлин, 1921. С. 129. Сама А.А. Вырубова в мемуарах подтвердила, что командиры караула — Чкани, Новацкий и др. — сами приставали к её родителям, вымогая деньги под угрозой убить или изнасиловать их дочь (Фрейлина её величества. «Дневник» и воспоминания А.А. Вырубовой. М., 1991. С. 220).

⁴⁶ *Манухин И.И.* Воспоминания о 1917–18 гг. // Новый журнал. 1958. Кн. LIV. С. 97–116; *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 102–103.

⁴⁷ Медицинское заключение доктора И.И. Манухина о состоянии здоровья С.Е. Виссарионова 25 сентября 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 82. Л. 16.

стало ясно, что замысел осудить старый порядок неудачен. 1 сентября 1917 г. следователи комиссии Б.Н. Смиттен и А.Ф. Романов обратились к председателю со специальным письмом. В нём они констатировали, что правонарушения деятелей «старого строя» носили по преимуществу незначительный характер и вытекали «из самого существа прежнего режима», а люди совершали их «в силу принадлежности своей к тому или иному ведомству». Сама идея процесса над «исполнителями» уже не казалась им привлекательной. Суд над ними мог завершиться лишь «сравнительно незначительными уголовными репрессиями» в отношении некоторых лиц и показать незаконность строя, «бесповоротно осуждённого уже ходом истории». Оказалось также, что сама руководящая идея — «обнаружить в действиях бывших министров наличие государственной измены и других столь же важных преступлений» — лопнула: «произведёнными расследованиями в том направлении никаких данных не установлено, но по ходу следствия в некоторых случаях обнаружены, между прочим, столь мелкие отступления от велений закона, что судебное их рассмотрение и сложность требуемой для сего работы едва ли будут соответствовать значению означенных деяний, учинённых к тому же лицами, политическое значение коих в настоящее время окончательно уничтожено, тем более что подобные процессы как уже указано, отнюдь не могут удовлетворить и запросам общественного мнения».⁴⁸ Б.Н. Смиттен и А.Ф. Романов предлагали вообще ликвидировать ЧСК, прекратив большинство заведённых дел как малозначительные и передав для дальнейшей разработки судебным властям остальные (т.е. имеющие реальную судебную перспективу). Вероятно, что к такому печальному заключению членов ЧСК мог подвести и начавшийся 10 августа судебный процесс над В.А. Сухомлиновым, вызвавший у публики слабый интерес и грозивший одновременно перерасти в неуправляемое судилище,⁴⁹ т.е. суд над старым строем вероятнее всего обернулся бы расправой над несколькими его слугами. Не удивительно, что осенью 1917 г. в деятельности ЧСК наступил перелом: вместо интенсивной подготовки судебного процесса над самодержавием комиссия больше озаботилась составлением отчёта о проделанной работе и

⁴⁸ Обращение Б.Н. Смиттена и А.Ф. Романова к председателю Чрезвычайной следственной комиссии Н.К. Муравёву 1 сентября 1917 г. (копия) // ОР ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. № 2117. Л. 7–8; *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 237–238.

⁴⁹ Справедливости ради надо отметить, что 31 августа, на 22-й день процесса, толпа солдат явилась к зданию суда и потребовала им выдачи В.А. Сухомлинова. Генерала не отдали на немедленную расправу, но приняли другое условие «революционных солдат» — перевести бывшего министра на тюремный режим. Он немедленно был водворён в Петропавловскую крепость. Процесс же над ним быстро завершился 14 сентября, естественно, признав сановника виновным (*Апушкин В.А.* Генерал от поражений В.А. Сухомлинов. Л., 1925. С. 123–124).

попытках довести до завершения расследования по отдельным сюжетам (например, дело Бейлиса). Вскоре после этого письма началось массовое освобождение арестованных, перевод многих из них в лечебницы и лишь небольшое число по-прежнему осталось под стражей. К концу октября 1917 г. различные ограничения в свободе касались лишь 17 человек, только двое из которых продолжали находиться в Петропавловской крепости (И.Г. Щегловитов и С.П. Белецкий), в «Крестах» и арестном доме — ещё 10, Н.А. Маклаков и А.А. Макаров — в лечебницах и, наконец, М.А. Беляев и П.Г. Курлов — под домашним арестом.⁵⁰

Летом заключённых начали выпускать под денежный залог, явно учитывая их имущественное положение. Впрочем, сначала отпускали бесплатно: Горемыкина, Крашенинникова и др. К.Д. Кафафова перевели под домашний арест ещё 24 мая, а 12 июня сняли и его — без всяких денег.⁵¹ Но решение освободить В.Б. Фредерикса уже под залог в 50 000 р. было принято 26 июня.⁵² Г.Г. Чаплинского отпустили 8 июля за 15 000 р.⁵³ Состоятельность бывшего дворцового коменданта и производителя «кувакинской воды» В.Н. Воейкова была несомненна — 30 сентября ЧСК позволила ему обрести свободу также за 50 000 р.⁵⁴ Одинаковую таксу установили для бывших чинов охраны: А.И. Спиридовича и А.В. Герасимова выпустили под залог всего в 10 000 р. 23 сентября и 2 ноября.⁵⁵ Однако со временем ставки росли. Н.А. Маклакова, не располагавшего значительным состоянием, ЧСК была готова 3 ноября отдать на поруки под залог в 100 000 р. — эту едва ли не главную надежду следствия!⁵⁶ Возможное освобождение, правда, натолкнулось на непреодолимое сопротивление ВРК, переговоры с новой властью к успеху не привели, сам же Н.А. Маклаков решил, что ему безопаснее остаться под охраной в лечебнице А.Г. Коносевича.⁵⁷ Возможно, что в его решении не последнюю роль сыграл размер требуемой с него суммы. По сути, официальная инстанция к осени 1917 г. перехватила инициативу конвоя, наживавшегося на своих подопечных с весны 1917 г. (тогда — в более скромных размерах).

⁵⁰ *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 107.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 188.

⁵² Там же. Оп. 2. Д. 369. Л. 8.

⁵³ От составителей // Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С. 45.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 85. Л. 31.

⁵⁵ Там же. Д. 418. Л. 72; Д. 95. Л. 26.

⁵⁶ По другим данным — за 50 000 р. (От составителей // Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С. 48). Такая разница в суммах настораживает.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 285. Л. 12, 15.

Показательно, что не сохранилось никаких документов, удостоверявших, куда и в каком виде были перечислены деньги. Похоже, что суммы, по тому времени ещё немалые, вносились наличными, а не на банковские счета. Непонятно, почему при этом государственная комиссия даже не оформляла квитанций. Мне также не удалось найти ни одного документа, который сообщал бы об использовании этих средств. Если они шли на финансирование ЧСК (вот это здорово: арестованные ещё и платили своим следователям), то это уже издевательство над правосудием. В любом случае, решение о залогах не красит юстицию «свободной России».

Конечно, ЧСК, как и вся власть после Февральской революции, действовала в эпоху стремительных перемен: создавалась в одних условиях, работа её происходила уже в других, а завершалась — в третьих. Комиссия действительно стремилась на первых порах провести настоящее расследование, чтобы осудить «старый порядок» и держаться при этом рамок права. Показательно, что в её деятельности не зафиксировано незаконного давления на подсудимых. По сути, следственная комиссия отразила в своих действиях идеологические стремления новой власти в первые месяцы своего существования укрепить свою легитимность, обосновав неизбежность ликвидации порядка, который не соблюдал законы.

Показателен диалог Н.П. Карабчевского с Н.К. Муравьёвым, который адвокат привёл в мемуарах. Он жаловался со слов жён заключённых, «на крайне дурное во всех отношениях содержание в крепости». Глава ЧСК отвечал, что комиссия ещё не выработала «следственных задач и приёмов», что их деятельность «должна быть работой, так сказать, исторической... Я бы сказал даже: мы должны написать всю историю прежнего режима, чтобы безошибочно выяснить ответственность отдельных лиц». Замечание Н.П. Карабчевского — а живые люди подождут в крепости, пока вы эту историю напишите — повергло начальствующее лицо в растерянность, он ответил вопросом на вопрос: «А что Вы предлагаете?» Однако перспектива объявить всем заключённым «слугам старого строя» амнистию повергла Н.К. Муравьёва в испуг: «Как, отпустить всех контрреволюционеров?! ... Что Вы, что Вы! ... Да их караул не выпустит...»⁵⁸

Вот это — «караул не выпустит» — и определило участь подсудимых. Но по мере того, как становилось очевидным невозможность уличить «старый строй», хватка ослабевала. К тому же оказалось, что эта легитимность мало кого интересует и совсем не так нужна, как это казалось в первые дни революции. Это стало очевидно летом 1917 г., тогда же

⁵⁸ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч. С. 132.

начала буксовать и подготовка «процесса над строем». По ряду причин Временное правительство не пошло на его фальсификацию, наоборот, оно тихо свернуло громкое на первых порах расследование. Деятельность ЧСК отразила пропасть, которая быстро разверзлась между массовым революционным сознанием и представлениями новой власти. Мытарства подследственных показали также эволюцию революционной морали: от справедливого возмездия старому строю и суда над ним до циничного вымогательства денег с людей, находящихся в зависимости. Заключённые ЧСК оказались жертвой этого процесса (пусть и не самой жуткой в условиях грандиозных социальных потрясений). Конечно, на совести большинства из них лежали весьма неблагоприятные деяния самодержавной власти, но никто из них так и не предстал перед судом «демократической России», а вот в заключении побывать довелось многим.